

А.Е. ЛОКШИН

Кандидат исторических наук

МЕА ШЕАРИМ - МЕСТО, ГДЕ ОСТАНОВИЛОСЬ ВРЕМЯ

Совсем рядом от центра Иерусалима, древнего, шумного и такого разноликого современного города, находится квартал *Меа Шеарим*. Он был основан еще в 1874 г. группой евреев, решивших покинуть пределы Старого города. В ту неделю, когда был заложен первый камень в основание новой *шхуны* (квартала), в синагогах читали главу Торы, в которой сказано: «И сеял Ицхак в земле той и получил в тот год ячменя во сто крат; так благословил его Господь». Так и назвали новый квартал «*Меа Шеарим*» - «Сто крат».

В наши дни, когда оказываешься в пределах Меа Шеарим, книги еврейских писателей прошлого и листы старинных гравюр будто оживают. Впечатление такое, что ровным счетом ничего не изменилось здесь за прошедшие почти полтора столетия. Разве что машины мчат по узким улочкам, современные товары продают в лавках, да и мужчины с развевающимися пейсами без умолку говорят по мобильным телефонам. А в остальном - все как было раньше: потемневшие старые дома, двери, выходящие на длинные террасы. Окна с решетками, поднятыми над тротуарами больше чем на два метра...

Неповторимый облик *Меа Шеарим* создают, конечно, прежде всего его обитатели - ультраортодоксальные евреи. Они сохранили верность образу жизни, ментальности своих прапраде-

дов и привычку к традиционной одежде. Мужчины в темных сюртуках или брюках, заправленных в черные чулки, в полосатых халатах, в странных для непривычного глаза, особенно летом, меховых шапках. Женщины - в самую страшную иерусалимскую жару, когда дует *хамсин*, несущий раскаленный воздух и мелкий песок из Иудейской пустыни, - в наглухо закрытых платьях, платках, темных чулках и туфлях. По одежде можно отличить приверженцев Сатмарского ребе от хасидов Гура, хасидов Бельз - от членов группы *Нетурей карта*.

НЕТУРЕЙ КАРТА

Само наименование *Нетурей карта* в переводе с арамейского означает буквально «стражи города» и взято из Иерусалимского Талмуда, где говорится, что стражи Торы - суть стражи и защитники города. Члены этой общины, насчитывающей по меньшей мере несколько сот семейств, не желают признавать современного государства Израиль и подчеркивают этот факт всеми возможными способами. Они считают, что «царство евреев на Святой земле» может быть создано только после прихода Машиаха (Мессии).

Известен исторический факт: во время войны за независимость, или первой арабо-израильской войны, как именуют ее некоторые

русские авторы, в 1948 г. в период упорных боев за Иерусалим, члены общины выступали против создания государства Израиль и еврейского контроля над святым городом, пытаясь добиться для него международного статуса. Во время боев в Иерусалиме группа *Нетурей карта* с белым флагом отправилась в сторону иорданских позиций. Позднее ультраортодоксальные иудеи стали декларативно поддерживать Организацию освобождения Палестины (ООП) и предприняли попытки установить контакты с ней.

Члены общины *Нетурей карта* - европейские евреи - ашкеназы. Многие из них - потомки выходцев из «старого ишува» - еврейской ортодоксальной общины, существовавшей в Палестине многие столетия. В конце XIX в. они враждебно встретили первые группы (светских) сионистских поселенцев, прибывавших на родину предков и намеревавшихся создать здесь национальный очаг для еврейского народа.

«ПАШКАВИЛИ»

Оказавшись в Меа Шеарим, я попытался заговорить с кем-нибудь из встречных прохожих. И все напрасно. Когда обращался на иврите, мне не отвечали или убегали шаг. Чувствовалось, здесь с настороженностью и с подозрением относятся к чужакам. Иврит

для жителей Меа Шеарим - это не тот язык, на котором принято говорить на повседневные темы. Это святой язык, язык молитв.

На улочках и в переулках Меа Шеарим звучит идиш - язык восточноевропейского еврейства. Лучше обращаться к незнакомым людям именно на этом языке. Впрочем, на стенах домов немало граффити главным образом на иврите. А на многочисленных специальных стендах и плакатах, именуемых здесь «пашкавилями», прочел заявления, поразившие меня: «60 лет мы скорбим о еврейских душах, сожженных в печах сионистов»; «Сионистские животные - отребье человеческого рода». Здесь же настенные надписи с призывами покончить «с сионистской оккупацией Святой земли» и надписями - «сионистам вход воспрещен». Не остались в этих плакатах без внимания и туристы, как и все, кто оказался по случаю, скорее из любопытства, в этом квартале. Это несомненно к ним обращен призыв: «Иерусалим - не для отдыха, а для молитвы». Под большинством «пашкавилей» красуется подпись: *Нетурей карта*. С наступлением шаббата (субботы), который начинается в пятницу вечером, квартал перекрывается барьерами, и ни одна машина не может въехать в Меа Шеарим, не рискуя быть заброшенной камнями. Ибо приход «Царицы субботы» не должен быть осквернен. В это время слышны только голоса молящихся из распахнутых окон синагог да крики маленьких детей, играющих на улице, прямо на мостовой...

БЕСЕДЫ С МЕНАХЕМОМ И ДВОРОЙ

После нескольких посещений Меа Шеарим мне повезло: удалось разговаривать, хотя и не без труда, одного из его жителей - человека с черной бородой в традиционной иудейской одежде, с развевающимися на иерусалимском ветру пейсами и спокойным взглядом, которому по виду не было и сорока. Назвавшись Менахемом, он без излишних эмоций, прежде всего, заявил то, что, очевидно, делал уже не один раз, что «сионисты должны уйти из Иудеи и Самарии» (т.е. с Западного берега реки Иордан) и вообще «убраться из страны». «Сионисты считают, - продолжал мой

новый знакомый, - что нужно завоевать эту страну. А мы ждем прихода Машиаха. Тогда и наступит *геула* (т.е. освобождение и избавление. - А.Л.). Я невольно в тот момент бросил взгляд на стенд, на котором только что появились новые плакаты. Надпись на одном из них гласила: «Сионисты кусаются! Во имя сохранения святого Иерусалима мы выбираем власть арабов». Улучив момент, когда Менахем умолк, я, почти уверенный заранее в положительном ответе, спросил, является ли мой собеседник обладателем *даркона*, т.е. израильского паспорта. Разумеется, последовало решительное: «нет». «У меня нет никакого удостоверения личнос-

Менахем, с которым я не вступал ни в какой спор, лишь иногда кивая головой, что, очевидно, расценивалось как знак согласия, дошел со мной до дверей своего дома и неожиданно пригласил меня в гости. Хотя визит чужака в дом ультраортодоксальных иудеев - событие нечастое, я был встречен достаточно благожелательно. Я познакомился с его женой Дворой, которая оказалась весьма словоохотливой. Узнав, что я из Москвы, она поинтересовалась, где находится сие место. Однако мои объяснения были встречены без особого интереса, и разговор перешел на другую тему. Двора была на сносях. Взглянув на свой живот, она сказала,

ти. Я могу его получить в любой момент, стоит написать заявление», - сказал Менахем. Но тем самым это будет означать «признание государства». Решительный отказ признать еврейское светское государство членами *Нетурей карта* и другими ультраортодоксальными иудеями означает не только отказ от обладания израильскими удостоверениями личности, но и непризнание юрисдикции израильского суда и даже Верховного раввина.

Абсолютное большинство жителей Меа Шеарим не голосуют ни на парламентских, ни на муниципальных выборах. А государственный праздник страны - День независимости в Меа Шеарим отмечается как скорбная дата. Это совпадает с мнением палестинцев, определяющих день провозглашения независимости Еврейского государства как *накба* - катастрофа.

За чтением «пашкавилей».

что хочет, чтобы у нее было не меньше двадцати детей. Менахем кивком головы подтвердил свою солидарность с женой. Двора сказала, что пока у них всего восемь детей, но и сейчас жить нелегко. Она не пользуется никакими льготами и пособиями, которые предоставляют многодетным матерям израильские власти. Не пожелала она иметь и медицинскую страховку. «За роды приходится платить. Особенно тяжело было с этим, недоношенным», - сказала она и ткнула пальцем в годовалого ребенка, умиротворенно лежащего в детской кроватке. Пришлось заплатить 50 тысяч шекелей. «А за эти деньги можно и квартиру купить», - засмеялась она. (По нынешнему курсу шекеля по отношению к доллару это примерно 12,5 тыс. долл. США. - А.Л.)

Я отметил, что за последние

На улицах Меа Шеарим.

10 лет ультраортодоксальный квартал явно разросся. На том месте, где когда-то стоял с разбитыми стеклами и облитый тушью и чернилами недействующий кинотеатр, теперь дома обитателей квартала. Тем временем, словоохотливая Двора, указав рукой на своих детей, сказала: «Мы всей семьей живем в одной комнате, и нам не тесно». Менахем что-то шепнул своей жене, и она тотчас же перешла на «политику». «Тора против создания государства. Верность Торе означает, что и мы против. Это все едино. Нас называют что-то вроде, - подбирала слово Двора, - экстремистов. А мы Нетурей карта - истинные стражи Торы и нашей веры». Я обратил внимание на стоявший в шкафу старинный ханукальный светильник, что зажигается иудеями в дни праздника Ханука. «А ты знаешь историю этого праздника?» - спросил я у находившейся здесь же старшей дочери Дворы и Менахема. Та, как мне показалось, не знала, что ответить. «Ей трудно говорить на иврите», - сказала за нее Двора. (В доме, очевидно, было принято говорить на идиш.) И продолжила: «Ханука - это праздник в честь победы над греками, которые хотели, чтобы мы перестали быть евреями. Ну как сейчас сионисты: они хотели, чтобы мы смотрели телевизор, кино, играли в футбол. И тогда наши предки восстали. И спасли Храм от поругания...»

Тем временем один из старших мальчиков, лет одиннадцати,

пригласил меня спуститься с ним в большую подвальную комнату и показал рукой на книги. «Когда я не могу уснуть, я читаю. Это книги против сионистов. Я также раздаю кассеты против сионистов». Он показал мне альбом с цветными фотографиями: демонстрации против «осквернителей» субботы и некоего раввина Штайна, который призывал служить в израильской армии. Как удалось сделать эти фотографии, которые в принципе отвергают ультраортодоксы, я спрашивать не стал. В дальнейшем понял, что все решается в зависимости от ситуации. На мой наивный вопрос, не собирается ли мальчик, когда подойдет его время, служить в армии, сын Дворы ответил решительным «нет». «Почему?» - не унимался я. Объяснение было весьма лапидарным: «Ведь это сионистская армия».

Поднявшись наверх, я неожиданно для себя спросил хозяина дома: «Менахем, а был ли ты на море?» «Нет, - ответил тот, - не был. Поездки на море некоторые люди называют: «поехать проветриться». Но и еврейство при этом из голов выветривается», - добавил он. Вдруг я услышал звонок мобильного телефона. Менахем взял трубку и ответил. «И ты говоришь по мобильнику? - не скрывая удивления, спросил я. - Ведь во всех «пашкавилях» запрещено это делать». «Да, - признался Менахем, - говорю. Ведь поезд прогресса несется вперед, и его невозможно остановить. Никто не может сойти с него. Но всегда надо оставаться в последнем вагоне». А потом как-то уж неуверенно произнес: «Все новое, даже если оно безвредно и безопасно,

запрещено тоже». И закончил свой «спич» с некоторой патетикой: «Мы должны бороться до конца, каждый день, все двадцать четыре часа в сутки, ведь это и есть иудаизм». «Думать о грехе, хуже чем грешить, - продолжала философствовать Двора. - Ведь зло заложено в природе человека. И с этим надо бороться».

Неожиданно в комнату постучала и вошла молодая женщина. Попросила одолжить ей немного муки. «Молодая жена, - объяснила мне Двора. - У нас замужние женщины должны покрывать голову. Мы против париков», - заметила она. Ривки (так звали эту женщину) до замужества была обладательницей длинной косы, но после замужества, как и принято в общине, обрила голову. И теперь носит платок. «Ну как ты?» - обращаясь к ней, спросила Двора. Та смущенно ответила, что сначала было тяжело. И что до сих пор пока она не смотрела на себя в зеркало.

На прощание я спросил разрешения сфотографировать моих собеседников. Это предложение Менахем решительно отверг и добавил: «Здесь нас камнями закидают».

Все снимки, которые мне удалось сделать в Меа Шеарим, были сделаны тайком, я скрывал свою камеру. А если кто из объектов моего внимания догадывался, что его хотят сфотографировать, он моментально отворачивался и убывстрал свой шаг.

«ГОЙ ФРУМКИН»

Во время своего очередного прихода в Меа Шеарим, читая новые «пашкавили», понял, что в квартале разыгралась настоящая война. Резкая критика была направлена в адрес одного человека по имени Исраэль Фрумкин. Этот Фрумкин оказался настоящим диссидентом. Снялся на телевидении и дал интервью. О чем он говорил, я не знаю. Но, очевидно, это и не интересовало собравшейся у его дома густой толпы. «Фрумкин - дулиган, гой!» (т.е. иноверец) - возбужденно кричали они. Познакомившись чуть позже с Фрумкиным, я узнал, что он, по его словам, «человек широких взглядов и любит сниматься на телевидении». Работает в *ири*, т.е. мэрии Иерусалима, получает жалование, платит все налоги, любит путешествовать за границу. «Это не значит, что я сионист.

Я просто законопослушный гражданин. И за это они, - сказал он, - хотели меня убить. Я сам видел призыв к моему убийству в одном из «пашкавилей». Я сидел в машине со своими детьми. Кто-то бросил камень. Мои дети просто чудом не пострадали. Все-вышний спас нас. Еще немного, и я бы сидел *шиву* (семь дней траура)». «Кто это «они»?» - спросил я. «Это фанатики. Они хуже нацистов». - «Ты хотел бы уехать из страны?» - неожиданно вырвалось у меня. «Нет! Никогда. Здесь я родился. Здесь моя семья», - пропел он слова из популярной израильской эстрадной песни. И продолжал: «Против них я выпустил собственный плакат и подписал его своим настоящим именем - Израэль Фрумкин. Я их там называю «сикариями». И к ним это имя уже прилипло», - с гневом сказал он. «В Мишне (основополагающая часть Талмуда. - *А.Л.*) сикариями называют тех, кто убивал душу народа.»

«Сикариями» в Мишне называли просто разбойников (от латинского слова *sica* - кинжал), а еще чаще так называли иерусалимских повстанцев, сражавшихся против римлян во время осады Иерусалима. Кстати, этим словом пользовался Иосиф Флавий, когда писал о самом радикальном крыле антиримской оппозиции в Иудее. Вооруженные короткими кинжалами, которые скрывали в складках одежды, они нападали на своих жертв римлян и сотрудничавших с врагом евреев.

Немного поостыв, Израэль сказал, что, кроме работы в мэрии, он занимается организацией похорон, эта работа перешла к нему от отца. А кроме того он *сахкан*. «Актер, артист?!» - я не мог удержаться от удивления. «Да, да *сахкан*, - подтвердил Фрумкин. - Когда меня приглашают на празднования Пурима, я обязательно участвую в театрализованном представлении». Кроме того, Израэль имеет свою небольшую типографию, которая печатает самые разные «пашкавилы», в том числе и те, в которых осуждается тот самый образ жизни и мыслей, к которым склонен и сам Фрумкин. «Я нейтральный, - сказал он мне, - и хочу быть со всеми в мире. И с полицией. И с соседями. У нас дома демократия. Я говорю своим детям, что вы можете из-

брать такой путь в жизни, какой хотите, но они остаются и не хотят никуда уезжать». Распровавшись с Фрумкиным, я решил ненадолго заскочить к Менахему.

ДВОРА НЕ ПРЕДСТАВЛЯЛА, ЧТО МИР ОКАЗАЛСЯ ТАКИМ БОЛЬШИМ

Менахем не был удивлен моим приходом. «Надо, - сказал он, - объявить этому «микробу» (имелся в виду Фрумкин) бойкот». «А вы смотрели когда-нибудь телевизор?» - спросил я его. «Нет, - ответил Менахем. - Один раз случилось посмотреть видеофильм. После этого видения преследовали меня. Весь день не мог прийти в себя. Это, - заключил он, - забивает голову не тем, чем нужно». «А я, - вступила в разговор Двора, - как-то ездила с мамой в больницу. (Речь шла о медицинском центре Хадасса в Эйнкере, который находится в нескольких километрах от старого города.) Там был телевизор. Я украдкой взглянула... Показывали животных. Мама сказала: «Не смотри! Это нечистое». Вообще, - призналась Двора, - я знала, что мир такой большой, но не знала, насколько он большой!»

Настало время обеда. Пригласив к столу, Менахем прочел, следуя традиции, благословение на хлеб. И семья приступила к трапезе. Менахем сообщил, что у них дома не едят «сионистские» хлеб, молоко, мясо. «Почему?» - с наивным лицом спрашиваю Менахему. - Сионистское молоко не такое вкусное?» «Не могу сказать, не пробовал», - ответил тот. Оказалось, что у него есть целая ферма, где разводят молочных коров. Там он продает молоко тем, кто, по его словам, не хочет иметь ничего общего с израильским государством. «А много таких?» - поинтересовался я. «Много. Очень много», - заметил он. Покидая квартал, я обратил внимание, что старые плакаты уже сорваны, а на их месте красовались новые «пашкавилы», составившие: «Компаний сотовой связи, прочь из нашего района!»; «Дорогие братья, не читайте газет!»; «Не смотрите кино!»; «До каких пор ки-

нотеатры будут открыты по субботам?»

БААЛ ТШУВА ЦВИ

Выписывая отдельные цитаты и пытаясь переводить на русский язык новые «пашкавилы», я обратил внимание, что в мою тетрадь заглядывает человек в традиционной одежде. Оказался земляк, выходец из Москвы. Разговорились. Моего собеседника звали Цви, а воспитывался он в типичной еврейской советской семье. Не имел никакого представления об иудаизме. Перебрался в начале 1970-х гг. в Австралию. Оказавшись уже там, посетил ради любопытства синагогу в Сиднее. И неожиданно для себя услышал голос предков, понял, что его место в святом городе Иерусалиме. И теперь уже много лет он живет на этой земле. Принадлежит Цви к настоящей ортодоксальной общине, «свободной от влияния современного духа с его ложными идеями». Так он стал *баал тшува* (человек, никогда не имевший или утративший связь с иудаизмом, который раскаялся и вернулся к религии). Цви предложил свои услуги по переводу «пашкавилей». От чего я, разумеется, не отказался. Но времени оказалось немного. Цви произнес традиционное пожелание: «*А гут шабес*» («доброй субботы» - идиш), - и удалился.

Менахем хочет, чтобы у него было не меньше 20 детей.

Магазинчик выходца из России.

Близился приход субботы. Я убыстрил шаг. Это делал не только я. Обитатели добровольного гетто устремились домой. Наступал самый важный и значимый день недели, освещенный покоем и отдыхом от будничного труда, когда помыслы человека должны вознестись к вершинам духовной жизни, лишенной будничных тягот и забот, которые омрачают жизнь человеку в течение всей недели. Совсем немного осталось до отхода последнего иерусалимского автобуса, а надо было еще успеть добраться до места моего пристанища. Ведь в Иерусалиме общественный транспорт в этот день не работает. Вот, наконец, показались улицы, дома и люди современного города. Мое путешествие в прошлое завершилось. Уже все обитатели Меа Шеарим были в синагогах, каждый в своей, привычной и знакомой. И очень скоро мои меа шеаримские знакомые, как и все в этом квартале, и во многих домах Иерусалима, по возвращении из синагог будут петь субботние традиционные песни. Затем благословят над вином Господа и усядутся за стол, уставленный праздничными яствами.

УЛИЦА С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ

В первые послевоенные годы будущее ортодоксального еврейства виделось многим в мрачных тонах. Крупнейшие восточноевропейские центры традиционного иудаизма были уничтожены

нацистами. Главное беспокойство состояло в том, что ортодоксальным семьям ни Израиля, ни диаспоры никак не удавалось предотвратить массовый отход молодежи от религии, начавшийся еще в середине XIX в. Многим казалось, что недалек тот день, когда закроются последняя ортодоксальная синагога и *ешива**. Оставалось только гадать, кому из знатоков Торы выпадает честь стать последним в истории иудаизма ортодоксальным раввином.

Однако, как показали дальнейшие события, слухи о смерти ортодоксии оказались преувеличенными. Более того, с 1960-х гг. и в последующие десятилетия немало евреев, порвавших в прошлом с религией или даже выросших в нерелигиозных семьях, резко меняли свой образ жизни, становясь праведными и богобоязненными сынами Израиля. И хотя этот процесс возвращения сравнительно слабо затронул ультраортодоксальные общины в Израиле, ультраортодоксов можно встретить не только в *Меа Шеарим*, но и в соседних кварталах западного Иерусалима, частично в Бней Браке, городе примерно в пяти километрах к северо-востоку от такого абсолютно другого, светского и ультрасовременного центра, как Тель-Авив.

Весьма показательные результаты состоявшихся в ноябре 2008 г. выборов мэра Иерусалима. Раввин-ультраортодокс Меир Поруш набрал 43% голосов, пропустив вперед лишь Нира Барка-

та, представлявшего интересы светских кругов, члена городского совета и предпринимателя, получившего 52% голосов избирателей. Однако большинство мест в городском совете все же заняла ультраортодоксальная партия Поруша «Объединенный иудаизм Торы».

Несмотря на свою относительно малочисленность, ультраортодоксальные общины пользуются определенным влиянием в более широких ортодоксальных кругах. Они встречают понимание и поддержку, например, во время демонстраций против археологических раскопок древних еврейских захоронений (при этом нередки и столкновения с полицией); демонстраций за строгое соблюдение субботы; против совместных купаний мужчин и женщин... Члены общины в основном живут на доходы от мелкой торговли и на пожертвования из-за рубежа от подобных же общин, в основном из Соединенных Штатов.

У автора этого очерка, написавшего о своих впечатлениях о *Меа Шеарим*, не было намерения представить его как некое «темное царство». Каждому судьба уготовила или он сам избирает свой собственный в этом мире путь. У обитателей *Меа Шеарим* свои чаяния и своя жизнь.

Не ведется никакой статистики, сколько ортодоксальных евреев в Израиле и других странах света покидают мир строгих предписаний и традиций и вступают на тернистый и неизведанный ими путь светской жизни. И наоборот, нет также статистики, сколько евреев каждый год возвращаются к миру ортодоксии. И тех, и других немало. Это улица с двухсторонним движением.

Нередко благодаря разнообразным проспектам и туристическим путеводителям у туриста, побывавшего в Израиле, складывается некий образ солнечной, яркой, древней, библейской и современной страны. Но в нем явно не хватает того потаенного образа, с которым, в меру своих сил и возможностей, попытался познакомить читателей автор этого очерка.

Иерусалим - Москва
Фото автора

* Ешива - высшее религиозное учебное заведение, предназначенное для изучения главным образом Талмуда.

В статье использованы фрагменты из израильского документального фильма «Иоиль, Израиль и пашкавили», реж. Л. Чаплина, 2006 г.